
КРОССКУЛЬТУРНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ¹

© 2014 г. Р. М. Шамяионов

Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии образования и развития Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, e-mail: shamionov@mail.ru

Представлены результаты теоретического анализа исследований этнокультурной специфики субъективного благополучия личности. Выделены основные проблемы детерминации субъективного благополучия (влияние культурных измерений, эффектов этнической социализации личности, принадлежности к титульной группе). Приводятся данные об особенностях субъективного благополучия, обусловленных этнопсихологическим статусом личности (идентичностью, ценностными ориентациями, приверженностью культуре и т.п.), характером межэтнических взаимоотношений. Отмечается необходимость комплексного анализа этно-, социально- и индивидуально-психологических факторов субъективного благополучия. Делается вывод о высокой социальной, научно-теоретический и практической значимости этнопсихологических исследований субъективного благополучия в России.

Ключевые слова: субъективное благополучие, удовлетворенность, счастье, баланс эмоций, личность, этническая группа, культура, отношение, социализация, идентичность, ценности, субъект, бытие, этнические нормы, детерминанты.

Изучение этнокультурной специфики субъективного благополучия и его детерминант является важной задачей современной психологии. Субъективное благополучие личности большинством исследователей-психологов понимается как “позитивное переживание”, ощущение счастья, удовлетворенности жизнью. Соответственно, эмпирические исследования субъективного благополучия личности, как правило, предполагают выявление уровней удовлетворенности, счастья, баланса эмоций (соотношение положительных и отрицательных) и других, измеряемых с помощью специальных шкал (самооценки) или разработанных психодиагностических инструментов. Проблема субъективного благополучия личности в этнопсихологическом измерении лишь относительно недавно стала предметом специального психологического анализа. В отечественной психологии до сих пор исследования носят эпизодичный характер; в ограниченном количестве научных работ затрагивается весьма узкий круг вопросов [3–5, 7, 10, 19, 24]. В зарубежной психологии разработка этой проблемы стала одним из приоритетных

направлений в связи с усилением межэтнических контактов и объективными процессами межэтнического взаимодействия в мультикультурном обществе [27, 29, 35, 39, 46, 49, 52]. Однако результаты этих исследований не могут быть с легкостью перенесены на российские условия, поскольку исторически сложившаяся ситуация межэтнических взаимоотношений и современные вызовы имеют свою специфику. Тем не менее они способствуют осмыслению теоретических проблем и постановке эмпирических задач, связанных с этнопсихологическими и кросскультурными исследованиями субъективного благополучия личности. Как отмечает Н.М. Лебедева, поиск культурных различий и универсалий – две взаимосвязанные и важнейшие задачи этнической психологии [11]. Однако, поскольку существует множество классификаций культур и культурных измерений², наблюдается довольно пестрая картина исследований этнокультурных факторов субъективного благополучия.

² Например, в исследованиях часто различают “восточную” и “западную” культуры, выделенные по региональному признаку и критерию близости языков, религий и пр.; коллективистскую и индивидуалистскую, простую и сложную, этническую и национальную (государственную) и т.п.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-06-00250а).

В результате исследований субъективного благополучия, проведенных в разных странах с помощью различных методик, определялись его степень, детерминанты (этнокультурные, экономические, политические, социальные, индивидуальные и пр.), а также критерии оценок [1, 8, 9, 21, 23, 26, 29, 35, 41, 43, 45]. Кроме того, анализ тех или иных аспектов этого явления показал, что даже несмотря на близкие социально-экономические и культурные условия, субъективное благополучие может быть различным у представителей разных стран и народов [1, 21, 23, 35]. Между тем, субъективное благополучие представителей различных групп является не только показателем социального благополучия, но и весомым регулятором социального поведения. Из этого следует значимость изучения этнокультурной специфики (различий уровней и структурных характеристик субъективного благополучия в зависимости от принадлежности личности к определенной этнической группе, своеобразных критериев оценок бытия) и детерминант (языка (значений), культурных измерений, идентичности, ценностей, норм и т.д.) этого явления. Важным обстоятельством остается и недостаточность теоретических и эмпирических исследований структуры субъективного благополучия, его критериев и соотношения имплицитных и эксплицитных теорий для целостного понимания этого явления.

Исходя из сказанного, становится понятной сложность задачи изучения субъективного благополучия, определения его универсальных составляющих и их специфичных особенностей, а также необходимость выявления этнокультурных детерминант этого явления.

Цель данной работы заключается в анализе и обобщении эмпирических исследований этнокультурной специфики и факторов субъективного благополучия личности.

Задачи исследования:

1) Выявить общие закономерности по результатам эмпирических исследований субъективного благополучия, проведенных с учетом “факторов культуры”.

2) Оценить уровень развития исследований этнокультурных детерминант субъективного благополучия личности в отечественной и зарубежной психологии.

3) Проанализировать исследования этнокультурной специфики субъективного благополучия в контексте этнической социализации и ее эффектов.

Начало психологического (социально-психологического) изучения этнокультурной специфики субъективного благополучия связано с исследованиями, развернувшимися во второй половине XX века, в которых внимание психологов было направлено на изучение его эмоционального компонента. Первые исследования были направлены на сравнение степени переживаемого счастья, удовлетворенности жизнью представителей разных государств и народов на основе массовых опросов с использованием прямых вопросов [1]. Однако они не могли избежать ряда недостатков, преимущественно обусловленных различиями в понимании счастья, культурными нормами, регулирующими презентацию счастья и удовлетворенность жизнью представителей этнических групп и государств.

В последние десятилетия развернулись масштабные сравнительные исследования этнокультурных факторов субъективного благополучия за рубежом, в результате которых удалось выявить этническую специфику коррелируемых с ним психологических переменных: экстраверсии, нейротизма, баланса эмоций, доверия и т.п., а также ряда установок и ценностей (например, по итогам Всемирного обследования ценностей) [1, 9, 21, 23, 29, 41, 43, 45, 46]. Усилия исследователей были сконцентрированы вокруг проблемы определения тех этнокультурных феноменов, которые обладают наиболее мощным влиянием на переживание субъективного благополучия представителей различных этнических групп. Однако зарубежные психологи также отмечают смешивание национальных (государственных) и этнических особенностей и факторов субъективного благополучия в различных исследованиях и признают различия уровней (параметров) субъективного благополучия между государствами и этническими группами внутри государств [29, 30].

Важно отметить наличие либо отсутствие общих (близких) культурных характеристик у представителей контактирующих народов, а также опыт этих контактов. Наличие исторического опыта взаимодействия представителей этногрупп, очевидно, создает общие критерии благополучия и формирование соответствующей специфики его структуры благодаря взаимопроникновению культур, чего явно недостает в случае отсутствия такового с представителями других этнических групп, связи с которыми ограничены относительно малым временным промежутком, даже несмотря на близкие культурные измерения (например, индивидуализм или коллективизм). Поэтому исследования этнокультурной специфики долж-

ны предусматривать различие традиционных (универсальных) и специфичных переменных, касается ли это ценностей, представлений, степени владения нормами или других характеристик.

Несмотря на многочисленные попытки активации исследований этнокультурной специфики субъективного благополучия [27, 29–31, 42–47], к настоящему моменту можно с определенной уверенностью утверждать, что единого подхода не выработано. Исследователи, придерживающиеся гедонистического и эвдемонистического подходов к субъективному благополучию, сталкиваясь с проблемой его этнокультурной обусловленности, испытывают ограничения по использованию каких-либо этнокультурных переменных (например, изучается культурная норма на проявление положительных эмоций, принятие счастья и т.п.). Поэтому представляются важными теоретические исследования, направленные на разработку исследовательских подходов с учетом этнокультурного фактора.

В отечественной психологии эмпирические исследования, затрагивающие в той или иной степени этнокультурный аспект проблемы субъективного благополучия, начались относительно недавно, с конца 80-х годов – это работы В.В. Гриценко [5], И.А. Джидарьян [7], Л.В. Куликова [9], Н.М. Лебедевой [10], А.В. Сухарева [18], Е.Е. Бочаровой [3] и ряда других исследователей (хотя различные виды удовлетворенности вне этнического фактора изучались с 70-х гг. XX в., например, удовлетворенность трудом (С.Л. Аретфьев, В.П. Захаров, К. Муздыбаев и др.), положением индивида в группе (Б.Д. Парыгин и др.)). Это связано с тем, что длительное время имелись идеологические барьеры для постановки подобных исследований. Как отмечает И.А. Джидарьян, конкретно-научное исследование проблемы счастья и удовлетворенности жизнью было заблокировано идейно-политическими установками или идеологическими догмами [8]. Тем не менее за последние 20 лет произошло значительное усиление интереса отечественных психологов к этому явлению и рост числа этнопсихологических исследований, доказывающих не только различия уровня субъективного благополучия и его факторов у представителей различных этнических групп, но и различия структуры и предикторов субъективного благополучия, обусловленных этнической культурой [3–10, 15–24].

В последние годы развернулись комплексные исследования субъективного благополучия, в которых предпринимаются попытки анализа этого

явления на разных уровнях – от физического до культурного [1, 8, 9, 21, 23, 29, 41, 43, 45, 46].

ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ НОРМЫ В ОЦЕНКЕ СУБЪЕКТИВНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ

Исследования, посвященные анализу различий субъективного благополучия в соотношении с этнокультурными измерениями, информативны с точки зрения понимания закладываемых в культуре паттернов, обеспечивающих определенные уровни переживания благополучия. Отметим, что исследования отечественных и зарубежных психологов в данном контексте имеют много общего. Это касается и анализа содержательной “культурной” составляющей субъективного благополучия, и культурных измерений, и других вопросов, хотя следует отметить, что большинство эмпирических исследований выполнены за рубежом. Ценность этих исследований заключается в том, что они высвечивают важные универсальные и специфичные (в соответствии с используемой классификацией и методикой оценки культурных измерений) характеристики, обуславливающие переживание благополучия представителей тех или иных групп.

Влияние этнокультурных норм на переживание субъективного благополучия изучалось с ряда позиций: оценок критериальных норм на проявление удовлетворенности жизнью и счастья, личностных и групповых норм, регулирующих поведенческие ориентации. И.А. Джидарьян в результате эмпирических исследований пришла к выводу о том, что на переживание субъективного благополучия оказывают влияние культура и традиции народов. Изучение феномена “счастье” сквозь призму российских традиций позволило ей заключить, что в культуре заложена доброжелательная тональность при восприятии несчастья и тех, кто несчастен, без какого-либо осуждения. Более того, если достижение счастья связано с усилиями человека, то в несчастье личностная компонента отсутствует [7]. Иначе говоря, ответственность за последнее приписывается внешним инстанциям, что позволяет личности “пользоваться” социальной нормой поддержки. Благодаря этому, например, в отличие от американцев, россияне в меньшей степени стремятся “выглядеть” счастливыми. Очевидно, эта же норма регулирует и ответы российских респондентов на прямой вопрос об уровне переживаемого счастья. Иначе говоря, культурные характеристики “проникают” на уровень критериев оценки своей жизнедеятельности, сквозь призму которых происходит

внутренняя дифференциация событий, ситуаций, достижений и других явлений, что обуславливает субъективную оценку удовлетворенности жизнью или оценку счастья. Кроме того, именно культурные нормы самопрезентации регулируют и тенденциозность оценок (самооценок) счастья, и удовлетворенности жизнью.

Межкультурные сравнения, проведенные зарубежными исследователями, также указывают на наличие таких тенденций. Так, *L. Lu* и *R. Gilmour* обнаружили, что китайцы обладают более социально-ориентированной, а американцы – индивидуально-ориентированной концепцией субъективного благополучия [39], что соотносится с представлениями о коллективистской и индивидуалистской культуре. Э. Динер с соавторами [29] на основе многочисленных исследований пришли к выводу о склонности представителей различных культур недооценивать или переоценивать удовлетворенность жизнью (в частности, речь шла о европейских и азиатских американцах); имеются культурные различия и в оценке значимости счастья (что было обнаружено в исследовании представителей Латинской Америки и Тихоокеанского региона Азии). Авторы объясняют это положение тем, что в некоторых культурах, например, в Восточной Азии, люди могут быть склонны “жертвовать положительными эмоциями” в угоду другим целям [30, с.413]. Такие культурные нормы, как самосовершенствование–самокритика, приближение–избегание играют важную роль в межнациональных (межстрановых) различиях субъективного благополучия (при сравнении восточной и западной культуры) [29].

Результаты экспериментальных исследований *R. Chang* и *E.C. Chang* [26] убеждают в том, что норма требовательности к себе и другим (перфекционизма), включенная в культурные феномены, оказывает влияние на субъективное благополучие (удовлетворенность жизнью, баланс аффекта), но по-разному, в зависимости от принадлежности к той или иной культурной общности. В частности, ими показано, что у американских студентов азиатского происхождения при более низких показателях субъективного благополучия обнаруживались более высокие показатели отрицательного перфекционизма, чем у представителей выборки европейского происхождения. Эти результаты объясняются авторами тем, что американцы азиатского происхождения менее чувствительны к воздействию позитивных установок. Очевидно, соответствующая норма на удовлетворение социальных ожиданий усваивается ими в процессе социализации личности.

Перекликаются с этими и результаты исследования, проведенного *D. Wirtz*, *C. Chiu*, *E. Diener*, *S. Oishi*, в котором изучалось влияние на субъективное благополучие культурной “нормы на ответственность”, представленной по-разному относительно позитивного и негативного опыта. Установлено, что важным для вынесения суждения об удовлетворенности жизнью является отношение к повседневному опыту. Авторы также выявили, что имеются культурные различия в отношении к позитивным и негативным событиям в жизни. В европейских культурах в понимании “хорошей жизни” традиция предписывает сосредоточение на позитивных аспектах прошлого эмоционального опыта, а представителям Востока предписывается минимизация негативных эмоций как часть общекультурного стремления к гармонии в социальных отношениях. Иначе говоря, для представителей Востока более важным является отсутствие негативного опыта, чем наличие позитивного. Кроме того, было показано, что представители Запада в большей степени объясняют положительные события, происходящие в жизни своим поведением, а представители Востока в большей степени берут ответственность за отрицательные события [50].

ЭФФЕКТЫ ЭТНИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Этнокультурную специфику субъективного благополучия необходимо рассматривать сквозь призму этнической социализации и ее эффектов (явлений, свидетельствующих о мере и глубине социализации, по Б.Г. Ананьеву). Это позволит глубже понять содержательные характеристики и оценочные основания благополучия.

Поскольку этническая группа выступает “приписанной”, она в немалой степени обуславливает нормы, ценности, установки социализирующейся личности. Пристрастное отражение мира и своего места в нем создает то представление, сквозь призму которого преломляются события, участником которых является личность, а также временные характеристики – прошлого и “потребного” будущего. В этом отношении этническая группа становится двойным институтом социализации, транслирующим нормы действительности и оценки бытия, выработанные и представленные в этнической культуре [2, 24]. Исторически складывающаяся культура того или иного народа в определенной мере содержит способы саморегуляции, приведения в соответствие различных инстанционных образований личности, которые

являются своеобразными механизмами формирования субъективного благополучия ее представителей. Очевидно, овладение ими в процессе социализации личности оказывается существенным фактором благополучия.

С одной стороны, достаточно ранняя идентификация с этнической группой способствует усвоению соответствующих нормативных представлений относительно культурно-исторических паттернов, присущих этносу, с другой – транслируемые критерии “благополучия” бытия, сталкиваются с другими критериями при вхождении человека в более широкое культурное и социальное окружение, обуславливая сложные эффекты этнической социализации личности. В результате в них аккумулируется не только опыт конкретной этнической группы (поскольку в современном обществе формальная принадлежность индивида к определенному этносу не определяет полностью эффектов этнической социализации в отношении этого этноса), но и всего социального окружения индивида; заметим, что социализация личности допускает усвоение совокупности значений из любого источника и относительно любого этноса (например, в случае аккультурации). Как считает Г.У. Солдатов, “...этносоциальные представления формируются в процессе внутрикультурной социализации и во взаимодействии с другими народами” [15, с. 20]. Поэтому и столь значим интерес психологов [2, 6, 11, 16, 17, 23, 29, 35] к эффектам этнической социализации – этническим установкам (аттитюдам), стереотипам, этносоциальным представлениям, этнической идентичности, этноспецифичным ценностным ориентациям, владению этнической культурой и другим характеристикам как факторам субъективного благополучия.

Поскольку этническая идентичность отражает степень вовлеченности личности в этническую группу, исследования этого фактора представляются весьма важными для понимания этнической специфики субъективного благополучия личности. В ряде исследований, проведенных российскими этнопсихологами, на разных выборках выявлена устойчивая положительная связь субъективного благополучия с качеством этнической идентификации, в частности, с гиперидентичностью и этнической индифферентностью [3, 23]. Эти данные весьма показательны в том отношении, что гиперидентичность, основанная на противопоставлении своей этнической группы другим, очевидно, позволяет личности сохранять переживание комфорта в условиях крайнего погружения в свою этническую группу в “поисках

позитивной идентичности” [16, с. 43], что вовсе еще не означает владения этнической культурой [17]. Что касается этнической индифферентности, она, на наш взгляд, обуславливает известную свободу личности и более широкие возможности для взаимодействия с представителями других этнических групп, что позволяет достигать определенного (динамического) равновесия между личностью и социальной средой. Результаты исследований А.В. Сухарева [18] показывают, что субъективное благополучие личности связано с качественными показателями социализации. На основе изучения различных этнических групп были сделаны выводы о том, что факторами субъективного благополучия являются знание родного языка, истории, чтение на родном языке [23], т.е. не просто отнесение себя к какой-либо этнической группе, но и определенный уровень владения этнической культурой. Иначе говоря, погружение в этническую культуру во многом задает позитивный вектор достижения субъективного благополучия.

Еще одним эффектом этнической социализации является специфичная система ценностных ориентаций личности. Исследование ценностного фактора субъективного благополучия является принципиально важным, поскольку ценности составляют основу отношений к окружающему миру, основу мировоззрения и жизненной позиции. На ведущую роль ценностей в формировании субъективного благополучия личности в последние десятилетия обращали внимание многие психологи, философы и социологи [1, 3, 10, 23, 28, 35]. Однако собственно ценностная специфика счастья изучена недостаточно. Между тем, именно она является когнитивной основой для вынесения суждения об уровне счастья. В российской психологии эта проблема была поднята в работе И.А. Джигарьян [8]. Ею было проведено уникальное исследование, в котором проанализированы ценностные представления о счастье и на основе факторного анализа выделены отдельные блоки, характеризующие их смысловые, содержательные связи: целесмысловой, семьи и любви, материально-прагматический, фактор радости, душевное равновесие, умиротворенность и спокойствие, позиция сильной воли и стремление к лучшему [8, с. 111–113].

Ценностные факторы субъективного благополучия изучались гораздо чаще и, прежде всего, за счет соотношения ценности “счастье” с другими ценностями [10, 24, 29, 35 и др.]. Между тем имеются и исследования, в которых предпринимались попытки анализа *измеряемого* уровня бла-

гополучия (удовлетворенности жизнью, собой, “ощущения счастья”) и значимых ценностей. Так, *J. Copestake, L. Camfield* показали, что ценности, детерминирующие различные измерения субъективного благополучия (эмоциональный и когнитивный компоненты) личности могут быть опосредованы условиями жизни (например, низким уровнем жизни) с соответствующей конфигурацией ценностных ориентаций, в которых немаловажное значение обретают ценности удовлетворения потребностей (например, в еде, в питье и т.п.) [28]. Однако, как правило, это не имеет этнической или культурной специфики, как иногда пытаются представить за рубежом [29].

В проведенных нами исследованиях ценностной детерминации субъективного благополучия (замерялись удовлетворенность жизнью и эмоциональное благополучие) были изучены групповые ценности в соотношении с удовлетворенностью жизнью представителей контактирующих этнических групп Поволжского региона (русских и казахов) [24]. Выявлены различия ценностной детерминации удовлетворенности жизнью. В этнической группе русских субъективное благополучие связано с групповыми ценностями, характеризующими субъектно-коллективистскую ориентацию: дисциплина (0.31), миролюбие (0.48), верность традициям (0.31), самостоятельность (0.36), замкнутость (–0.31) и разрушение традиций (–0.37); у представителей казахского этноса – субъектно-групповую: взаимовыручка (0.40), уважение власти (0.34), самостоятельность (0.41), устремленность в будущее (0.39), уступчивость (–0.39), подчинение (–0.36). Из этих данных следует, что значимость ряда групповых ценностей, приписываемых этносу, способствует переживанию удовлетворенности жизнью. Очевидно, субъективное благополучие личности связано с согласованностью усвоенных нормативных представлений о характеристиках этнической группы и оценкой ее проявлений.

Типологический анализ взаимосвязи удовлетворенности жизнью и ценностей представителей трех контактирующих этнических групп Поволжья (русские, казахи, татары) показал, что главное различие “благополучных” заключается не в выраженности отдельных ценностей (хотя по всем выборкам только 30% ценностей совпадают в своем ранговом значении), а в особом строении их структур, тесноте связей и согласованности ценностей в ядрах структур [23]. Так, системным ценностным фактором благополучия русских выступала ценность труда в противоположность ценности развлечения, у казахов – значимость

семейной жизни, у татар – работа, приносящая материальный достаток. Очевидно, существует и этнокультурная специфика ценностной структуры благополучия (“ценностей счастья”, по И.А. Джидарьян), что требует масштабных исследований. Поскольку традиционные ценности представителей различных этнических групп имеют не только сходство, но и различия, ценностная детерминация субъективного благополучия будет иметь специфику в различных условиях этнокультурной социализации. Поэтому в каждом конкретном случае необходимо специальное исследование, направленное на выяснение вопросов о ценностной основе благополучия.

Этническая социализация предполагает также овладение социальными навыками: способностью взаимодействовать с другими в соответствии с культурной нормой, понимание переживаний другого и т.п. Немаловажной характеристикой личности, оказывающей влияние на субъективное благополучие, является понимание своих и чужих переживаний, формирующееся в процессе социализации [37, 38]. Однако взаимосвязь субъективного благополучия и эмоционального интеллекта культурно не обусловлена [37], хотя эмоциональный интеллект и выступает своеобразным посредником между бытийными процессами (взаимодополняющими друг друга гедонистическими и эвдомонистическими процессами) и субъективным благополучием [26]. В исследовании *S. Koydemir, A. Schütz*, проведенном в Турции и Германии, было показано, что сочетание черт личности, измеренных с помощью пятифакторного опросника, и эмоционального интеллекта по-разному объясняют вариации субъективного благополучия (удовлетворенности жизнью, соотношения положительного и отрицательного аффекта). В частности, исследователи обнаружили, что в Германии показатель регрессии, объясняющей вариации субъективного благополучия чертами личности (черты личности объясняли 23% дисперсии удовлетворенности жизнью и 41% баланса аффекта в Германии и, соответственно, 16% и 26% – в Турции) и эмоциональным интеллектом (27% вариаций удовлетворенности жизнью и 47% баланса аффекта в Германии и, соответственно, 19% и 30% – в Турции) выше, чем в Турции [37]. Однако авторами сделан вывод об отсутствии достаточных оснований для того, чтобы свидетельствовать о культурной обусловленности взаимосвязи эмоционального интеллекта и благополучия. Наличие устойчивой корреляционной связи между эмоциональным интеллектом и показателями субъективного благополучия в обеих выборках служит для авторов основанием для

утверждения об отсутствии культурных различий соответствующих связей.

Таким образом, эффекты этнической социализации личности обуславливают выраженность не только компонентов, но и ценностных оснований субъективного благополучия личности. Тем не менее в процессе социализации личности не происходит прямого копирования норм и ценностей, транслируемых этнической группой, поскольку внешние воздействия “преломляются через внутренние условия” [14], тем самым формируя, хоть и соотнесенную с культурой, но субъективную реальность. “Субъективная культура”, по мнению П. Генковой, в большей степени способна влиять на удовлетворенность и выступает своеобразным модератором, поскольку “некоторые культуры имеют правила и нормы, препятствующие достижению отдельных целевых показателей” личности [32, с. 183]. Иначе говоря, существует проблема соотношения “культурных” влияний на формирование отношений, имеющих первостепенное (критериальное) значение для переживания благополучия или неблагополучия и той субъективной реальности, которая формируется за счет интеграции различных норм и установок.

ВЛИЯНИЕ КУЛЬТУРНОГО КОНТЕКСТА НА СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Многие исследования этнопсихологов и социологов последних десятилетий посвящены соотношению субъективного благополучия и культурных измерений. “Знаковыми” в этой области являются работы Э. Динера, Г. Триандиса, В.И. Чикова и их коллег, устанавливающие связь субъективного благополучия с культурными измерениями “индивидуализм–коллективизм”, а также социально-психологическими характеристиками. “Культура для общества – что память для личности”, – провозглашает Триандис. В исследованиях делается попытка увязать субъективное благополучие с экономическими (например, ВВП государства) и социально-политическими факторами (социальное равенство, политические свободы, безопасность, эффективные общественные институты, гражданско-бюрократические отношения), “обусловленными культурными характеристиками” [49]. Эти факты, на наш взгляд, могут быть подвергнуты сомнению, поскольку, во-первых, высокий уровень государственного дохода, как правило, предполагает развитие социальных институтов, но вовсе необязательно оказывает влияние на переживание благополучия (например, это становится очевидным при соотнесении уровня

ВВП Норвегии и количества суицидов в этой стране); во-вторых, социально-политические условия не могут быть определены через культуру (например, периоды диктатуры в истории открытых и демократичных сегодня стран). Поэтому некоторые социологические измерения должны быть тщательным образом проанализированы психологически для того, чтобы говорить об их прямом воздействии на переживание благополучия в тех или иных условиях.

Исследователи В.И. Чирков, Р.М. Райан, Ч. Вилнос [27], основываясь на культурной модели Г. Триандиса и подхода к психологическому благополучию Р.М. Райана, изучали соотношения культурного контекста и психологических потребностей в Канаде и Бразилии. В результате регрессионного анализа авторы пришли к выводу о высокой предсказательной способности культурных измерений (индивидуализм и коллективизм – вертикальный и горизонтальный) для уровней субъективного (в данном случае, психологического) благополучия личности (после контроля пола, возраста, семейного положения и дохода). Однако существенных межнациональных различий по индикаторам благополучия обнаружено не было.

Таким образом, культурные измерения и содержащиеся в них паттерны обуславливают различные уровни субъективного благополучия личности. Вместе с тем необходимо отметить и то, что соответствие поведения “культурному предназначению” приводит к более высоким показателям благополучия. Сложность заключается в том, что имеются несогласованности в усваиваемых культурных феноменах и, соответственно, диспаритет на уровне удельного веса культурных влияний. Как признают исследователи, в современном мире обнаружить культурный контекст в “чистом виде” вряд ли удастся. Поэтому приобретают значимость исследования, в которых предпринимаются попытки учесть не только культурные феномены, но и личностные, а также социальный опыт. Американским исследователем *K.M. Sheldon* предложена “многоуровневая контекстуальная модель личности”, которая вписана в иерархическую систему вслед за культурой и социальными отношениями. По мысли автора, выделенные личностные переменные (установки в отношении себя, цели/мотивы, личностные свойства/характер, психологические потребности) являются наиболее важными для “оптимального человеческого существования” [47]. Эта модель используется для определения вклада различных ее составляющих в субъективное благополучие личности. В исследовании *K.M. Sheldon, T.H. Hoon* [46], про-

веденном ранее с использованием ряда методик и методов регрессионного анализа в США и Сингапуре, было показано, что культурный контекст вносит вклад в субъективное благополучие, но не сам по себе, а в системе с другими переменными, в частности, с психологическими потребностями, чертами личности, личными целями, представлениями о себе, социальной поддержкой и принадлежностью к культуре. Так, в результате иерархического регрессионного анализа принадлежность к культуре объясняла 26% общей дисперсии, при введении фактора пола показатель оставался высоким (25%) при незначительном вкладе пола (5%). На следующих уровнях были введены названные выше личностные характеристики и получены результаты, объясняющие 69% общей дисперсии при том, что согласованность разных факторов в двух выборках (США и Сингапур) была достаточно высокой. Из исследований Шелдона и его коллег [45–47] следует очень важный вывод: субъективное благополучие личности не может быть полностью обусловлено лишь культурными факторами. Различные его детерминанты образуют сложные взаимосвязанные структуры, учитывая которые, можно в значительной степени прогнозировать изменения субъективного благополучия в разных условиях. Такой подход, пожалуй, является наиболее продуктивным, поскольку учитывает не только культурные характеристики, но и характеристики взаимоотношений с социумом, субъективные представления человека о себе и свойства личности. В связи с этим возникает идея о возможности влияния на пластичные образования (как, например, личные цели или социальную поддержку) в целях изменений степени субъективного благополучия с учетом этнокультурного фактора.

“КУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ” ДОХОДА И СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ

Еще один важный вопрос, возникающий в кросскультурных исследованиях благополучия: обусловлено ли культурными феноменами влияние дохода (личного или государственного) на субъективное благополучие личности и групп. Эта проблема периодически обостряется в силу обстоятельств, связанных, прежде всего, с экономическими изменениями в мире и демонизацией материальных средств в эпоху всеобщей стимуляции потребления.

Влияние (материального) дохода на субъективное благополучие изучается длительное время, поскольку эта переменная оказалась весьма важ-

ной для оценки качества жизни. На начальных этапах исследования субъективного благополучия она принималась за объективный критерий его оценки. В дальнейшем исследователи стали осторожнее относиться к этому параметру, поскольку результаты “культурных” (национальных) соотношений были не столь однозначны. В ряде исследований установлена связь субъективного благополучия и “национального (государственного) богатства” (корреляции варьируют от 0.60 до 0.70), хотя и оговаривается, что, как правило, это государства, в которых развиты демократические институты, право, социальная ориентация государства и другие характеристики [30], т.е. имеются сопутствующие социальные условия, опосредованно влияющие на предметные области бытия субъекта (например, удовлетворенность социальным обеспечением, образованием и т.п.).

Р. Инглхарт на основе анализа “Всемирного обзора ценностей” отмечает, что вне зависимости от экономического положения государств в одних обществах могли быть стабильно низкие показатели субъективного благополучия населения, а в других – стабильно высокие (например, ирландцы демонстрируют более высокий уровень субъективного благополучия, нежели немцы, хотя последние имеют более высокий уровень дохода) [21].

Существуют данные и о непосредственной связи субъективного благополучия и личного дохода в отдельных сообществах. Однако масштабные исследования, проведенные российским психологом В.А. Хашенко, убедительно доказывают, что важнее для переживания благополучия (например, удовлетворенности жизнью, ощущения счастья) не собственно доход, а субъективное экономическое благополучие, раскрытое с позиции его структуры, механизмов и детерминант. Применительно к нашему предмету обсуждения этническая (культурная) детерминация данной связи не определена, но даже исследования, проведенные в разных странах, доказывают детерминацию субъективного благополучия доходом в незначительных пределах, в частности, его коэффициент составлял не более 5% [21, с. 111]. Таким образом, можно утверждать, что материальный доход может рассматриваться лишь в контексте субъективной его оценки и переживания (субъективного экономического благополучия) и возможностей для самореализации личности. Очевидно, доход выступает опосредующим фактором и наиболее значим в ограниченном масштабе.

СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ВЗАИМОПРОНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУР

Последнее столетие в большей степени, чем когда-либо, характеризуется высоким уровнем социальной мобильности, одна из форм которой заключается в добровольной миграции. Соответственно, все чаще возникает ситуация столкновения культур (порой весьма отдаленных друг от друга), что отражается и на субъективном благополучии личности.

Общая социализация, формируя представления о должном, соответствующем современному положению вещей, встречается с теми установками, которые складывались веками. Возникает ситуация столкновения информационных потоков, и состояние субъекта зависит от того, как решится эта проблема на его уровне, – такое предположение основано на понимании социализации как процесса, последовательного формирования различных картин мира, представленного в этнофункциональном подходе А.В. Сухарева [18].

Длительный опыт совместного проживания различных этнических групп неминуемо накладывает отпечаток на эффекты социализации и, соответственно, на те характеристики личности, которые обуславливают стратегии жизни и отношения. Необходимо также отметить, что в целом ряде исследований субъективного благополучия установлено наличие как этноспецифичного и полиэтнического, так и общесоциального контекста. Это касается структуры субъективного благополучия [5, 30, 45, 46], системы отношений, лежащих в его основе [23], этических стандартов [6] и т.п. В этой связи интересны исследования В.В. Гриценко, посвященные анализу социально-психологической адаптации русских мигрантов из стран ближнего зарубежья. Выбранная автором модель примечательна тем, что участники исследований – лица, прошедшие полиэтническую социализацию и вынужденные вновь проходить аккультурацию. Автором показано, что удовлетворенность различными сторонами жизнедеятельности связана с сохранением русскими переселенцами особенностей, отличающих их от коренного русского населения, а условия, при которых действие этнокультурных заимствований будут способствовать принятию нового видения мира, усвоению новых ценностей, находятся на личностном уровне [6]. По сути, выявлен механизм формирования субъективного благополучия в условиях принадлежности личности к разным культурам в условиях, когда человек является но-

сителем (как правило, позитивным) этнопсихологических особенностей двух или более народов.

На основе анализа этнического самосознания представителей ряда этнических групп В.Ю. Хотинец приходит к выводу о том, что “функционирование различных подсистем или сфер иноэтнической культуры в рамках конкретного этноса и относительная дистанция со своей этнической культурой приводят к широкой идентификации с аутгруппой и определенной этнической самоидентификации с ингруппой, что в свою очередь обуславливает этническую определенность каждого из представителей социальной общности, реализованную в этническом самосознании” [22, с. 72]. Иначе говоря, принадлежность к двум культурам создает такую структуру этнического самосознания, которая оказывается отличной от той и другой, что может стать как основой для более продуктивного взаимодействия с представителями этих культур, так и межэтнической напряженности.

Вызывают интерес зарубежные исследования, касающиеся анализа характеристик субъективного благополучия в условиях взаимодействия этнических групп по признаку “большинство–меньшинство”. Немаловажным фактором субъективного благополучия представителей групп этнических меньшинств в полиэтнических сообществах выступает характер их взаимоотношения с группой большинства. В зависимости от стратегии аккультурации эти отношения могут как способствовать субъективному благополучию меньшинств, так и препятствовать [6, 33, 44, 52]. *E. Yoon, M. Goh, R.M. Lee*, изучая корейцев-иммигрантов установили, что около половины (49%) вариаций субъективного благополучия объясняются феноменами аккультурации, социальной связанности с этническим сообществом и социальной связанности с сообществом большинства (по мере убывания вклада) [52]. Из этого исследования следует, что сильная связь с этнической общиной в условиях иммиграции в значительной степени влияет на взаимосвязь инкультурации и субъективного благополучия мигрантов.

Соответственно, в зависимости от идентификации с приписанной группой или группой большинства между субъективным ощущением дискриминации и субъективным благополучием существуют разные отношения. Эти связи порой парадоксальны с точки зрения европейского мультикультурализма. Исследования *J. Schaafsma* [44], проведенные в Нидерландах с участием мигрантов из Турции и Марокко были направлены на изучение влияния склонности к идентификации с

этнической группой или группой большинства на взаимосвязь субъективного благополучия и восприятия социальной дискриминации. Установлено, что лица, более сильно идентифицирующие себя со своей группой (связанные с этническим сообществом), отмечают более высокий уровень дискриминации, но при этом отсутствует связь между оценкой дискриминации и субъективного благополучия. В то же время у лиц *со слабой идентификацией со своей группой и лиц, идентифицирующихся с группой большинства*, эта связь (отрицательная) была обнаружена. Очевидно, это объясняется тем, что привычная группа поддержки отдалается, а привлекательная группа (большинство) воспринимается дискриминирующей, что и снижает уровень субъективного благополучия.

Таким образом, исследования отечественных и зарубежных психологов показывают, что в условиях миграции в результате межэтнических контактов, в которых происходит “столкновение культур”, субъективное благополучие личности находится в зависимости от стремления личности к аккультурации и интеграции в новое социокультурное пространство; связанность с этническим сообществом скорее является способом сохранения субъективного благополучия за счет оказываемой им поддержки.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Субъективное благополучие является своего рода внутренним мерилем, критерием и регулятором бытия субъекта, в котором сходятся его цели, программы и их реализация. Обращение к психологической традиции, анализу различных подходов к пониманию изучаемого явления, эмпирических работ по проблеме субъективного благополучия позволяет утверждать, что это, прежде всего, эмоционально-оценочное отношение человека к своей жизни, *своей личности, взаимоотношениям с другими и процессам, имеющим важное для него значение с точки зрения усвоенных **нормативно-ценностных и смысловых представлений** о “благополучной” внешней и внутренней среде*, выражающееся в удовлетворенности ею, ощущении счастья.

Поскольку человек – существо социальное, его цели и сценарии жизни обеспечены всей историей существования человечества и взаимодействием с другими в микро- и макросоциуме в репрезентированном им виде. Поэтому субъективное благополучие всегда связано с социальными установками, представлениями, долженствованиями и

другими характерными для социализированного существа явлениями. Невзирая на определенные различия эмоционально-оценочного отношения к жизни, сконцентрированные в удовлетворенности жизнью, ощущении счастья и их факторов, в различных социокультурных условиях имеются их инвариантные составляющие, обеспеченные эффектами общегражданской социализации.

Игнорирование этнокультурных факторов в ранних исследованиях субъективного благополучия оказалось непродуктивным, особенно в связи с социально-экономическими изменениями, обусловившими относительное снижение экономической и социальной напряженности в обществах в XX веке. Последующая концентрация внимания на этнокультурных факторах и изолированное их представление также не привело к желаемому результату – раскрытию целостной социально-психологической картины этого явления. Более того, в связи с интенсивными межэтническими контактами оказалось важным соотношение этнокультурных факторов благополучия представителей разных народов. В последние десятилетия пришло понимание того, что этнокультурные факторы, личностные характеристики, факторы индивидуального опыта и социально-экономические факторы в сложных сочетаниях наиболее полно раскрывают его множественную детерминацию и позволяют определить его место в системе социально-психологических явлений.

Исследования этнокультурных детерминант субъективного благополучия, развернувшиеся в последние десятилетия за рубежом, охватывают множество явлений как этнокультурного, так и социально-психологического и индивидуально-психологического характера. В отечественной психологии обнаруживается явный недостаток подобных исследований, хотя их востребованность весьма велика ввиду не только усиливающихся миграционных явлений, но и традиционного для России этнокультурного многообразия. Кроме того, результаты исследований зарубежных психологов не могут быть с легкостью перенесены на российскую реальность в силу тех же исторически сложившихся культурных факторов. Тем не менее полученные зарубежными коллегами факты раскрывают множество важных теоретических и практических аспектов этой проблемы.

К настоящему времени в психологии складываются очертания нескольких теоретических моделей субъективного благополучия личности, которые в той или иной мере учитывают этнокультурные факторы. Это социально-психологи-

ческий подход (иногда его называют гедонистическим), акцентирующий внимание на вопросах этнокультурной обусловленности удовлетворенности жизнью и значимых целей, баланса аффекта (соотношения позитивных и негативных эмоций), личностный подход, направленный на оценку самореализации личности в разных социокультурных условиях; наконец, комплексный подход, учитывающий взаимное влияние социальных и индивидуальных факторов, в котором этнокультурные особенности рассматриваются в комплексе с когнитивными (оценочными) и эмоциональными характеристиками отношения к жизни субъекта как творца собственной жизни, своего бытия. Между сторонниками этих подходов не существует строгих границ, поскольку по сути они дополняют друг друга и тем самым выявляют разные стороны одного и того же явления, концепт которого до конца еще не раскрыт. Более того, было бы оправданным взаимодополнение этих подходов в актуальной исследовательской практике. Вместе с тем теоретическая разработка проблемы субъективного благополучия может получить существенное развитие на основе концепций отечественных психологов, в работах которых содержится психологическое понимание соотношения человека и мира, отношения к себе, другим, жизни, миру, наконец, понимания личности как субъекта бытия (С.Л. Рубинштейн, Б.Г. Ананьев, В.Н. Мясищев и др.).

Исследования эффектов этнической социализации как предикторов субъективного благополучия личности позволяют раскрыть и объяснить не только его различия, но и понять механизмы его формирования в разных условиях. Существуют основания для предположения о наличии не одного единственного, а ряда психологических механизмов, обуславливающих его формирование на разных уровнях (когнитивном, эмоциональном, поведенческом). Исследования и отечественных, и зарубежных авторов убеждают в том, что процесс этнической социализации распространяется не только на усвоение норм и установок, но и формирование личностных свойств, которые также привносят свой вклад в переживание благополучия. Значит, необходимы не столько сравнения субъективного благополучия (по принципу “больше–меньше”), сколько соотнесение этих культурно обусловленных характеристик личности и ее свойств с компонентами благополучия, выявление тех специфичных в разных условиях социализации личности критериев, на основе которых строится эмоционально-оценочное отношение к бытию.

Современные исследования этнокультурной специфики и универсалий, детерминант субъективного благополучия, сосредоточенные вокруг ряда проблем, можно представить следующим образом:

1) вклад этнической социализации личности в формирование субъективного благополучия; исследования этнокультурно обусловленных (усвоенных в процессе социализации) критериев оценки благополучности жизни, ценностных оснований счастья и удовлетворенности жизнью;

2) изучение влияния параметров этнической идентичности личности как индикаторов включенности в этническую группу и разделения ее ценностей, установок и идей на переживание благополучия;

3) сравнительный анализ субъективного благополучия личности в зависимости от принадлежности к этнической, национальной или цивилизационной культуре;

4) определение влияния этнокультурных норм: самосовершенствование/самокритика, приближение/избегание, ответственности, требовательности к себе/другим, притяжения счастья/несчастья и групповых ценностей др.;

5) изучение влияния уровня объективного дохода (личного или государственного (ВВП))/субъективного экономического благополучия в зависимости от социокультурных условий жизни;

6) соотнесение этнических или культурных характеристик с показателями личности в регрессионных моделях субъективного благополучия; определение доли этнокультурных характеристик в объяснении вариаций субъективного благополучия;

7) соотнесение субъективного благополучия личности и культурного контекста, как правило, без специального анализа ее включенности в культуру;

8) изучение социально-психологических процессов (социальная связанность с большинством/меньшинством, предубеждения и дискриминация, биэтническая идентичность) в ситуации межэтнических контактов;

9) теоретические обобщения этнокультурной специфики и факторов субъективного благополучия.

Общим моментом для большинства современных исследований этнокультурных факторов субъективного благополучия является противопоставление культур: национальных, западной и восточной, северной и южной (по цивилизацион-

ному признаку) и в некоторых случаях этнических. Однако влияние содержательных характеристик, включая владение этнической культурой, как правило, не изучается, за редким исключением ряда работ отечественных психологов. Исследования, проводимые отечественными и зарубежными авторами, в большей степени носят эмпирический характер и, как правило, исследователи, не имея достаточных теоретических обобщений в области психологии субъективного благополучия, прибегают к измерению отдельных компонентов субъективного благополучия (удовлетворенности жизнью, собой, эмоционального баланса, степени переживаемого счастья и т.д.) и их соотносению у представителей различных групп (этнических, национальных, цивилизационных). Сопоставление исследований, проводимых за рубежом и в отечественной психологии, позволяет сделать вывод о том, что имеется близость позиций в постановке эмпирических задач, использовании инструментов, а также методов анализа. Основные различия касаются, прежде всего, методологической позиции исследователей. Если зарубежные авторы стремятся, как правило, локализовать полученные данные и ограничить область их применения только изучаемыми явлениями, то отечественные исследователи ведут поиск целостной субсистемы, в которую включены эти явления, стремятся выйти за пределы их непосредственной связи. Тем не менее можно утверждать, что успешность накопления эмпирических данных в значительной степени превышает возможности теоретических обобщений.

Перспективы исследований субъективного благополучия связаны с теоретическим осмыслением, причем не только эмпирических данных, но и всей истории изучения вопроса в философии (этике) и других областях знания; разработкой инструментов, охватывающих целиком ряд наиболее важных его характеристик, имеющих не только эмоциональную или когнитивную природу, но и поведенческо-регулятивную. Необходимы исследования, направленные на определение вклада социально-психологических характеристик, обусловленных взаимопроникновением различных культурных феноменов: этнической, гражданской, субкультуры сообществ, наконец, индивидуального социального опыта личности.

Ввиду более интенсивного взаимопроникновения культур важными становятся исследования, учитывающие переменные активности/пассивности, открытости/закрытости, традиции/инновации и ряда других, которые позволят лучше понять специфику субъективного благополучия

представителей разных народов и те универсальные его характеристики, которые будут способствовать их конструктивному взаимодействию. Имеется запрос к науке относительно выявления механизмов, оснований и факторов этого явления сквозь призму социализации, а также его влияния на поведение и формирование социально-психологических характеристик, имеющих первостепенное значение в системе межэтнического взаимодействия. Расширение представлений об этнокультурной специфике и детерминантах субъективного благополучия будет способствовать разработке теоретических концепций, психологических техник и программ, направленных на оказание помощи субъекту в конструировании им своего настоящего и будущего, а также взаимодействия с представителями других культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аргайл М.* Психология счастья. СПб.: Питер, 2003.
2. *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая социализация подростка. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО "МОДЭК", 2000.
3. *Бочарова Е.Е.* Взаимосвязь субъективного благополучия и социальной активности личности: кросскультурный аспект // Социальная психология и общество. 2012. № 4. С. 53–63.
4. *Григорьева М.В.* Этнопсихологическая специфика адаптационной активности и субъективного благополучия личности // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2012. Т. 12. № 1. С. 49–53.
5. *Гриценко В.В.* Исследование субъективного благополучия русских и хакасов в условиях общественно-экономических перемен // Проблемы социальной психологии личности. Саратов, 2004. С. 132–147.
6. *Гриценко В.В.* Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2002.
7. *Джидарьян И.А.* Представление о счастье в российском менталитете. СПб.: Алетейя, 2001.
8. *Джидарьян И.А.* Психология счастья и оптимизма. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2013.
9. *Куликов Л.В.* Психология настроения. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 1997.
10. *Лебедева Н.М.* Ценностный компонент в характеристике русского национального характера и его влияние на экономическое развитие России // Мир психологии. 2009. № 3. С. 58–68.
11. *Лебедева Н.М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. М.: Старый сад, 1998.

12. Линч М. Базовые потребности и субъективное благополучие с точки зрения теории самодетерминации // Психология. Журнал высшей школы экономики. 2004. № 3. С. 137–142.
13. Мясищев В.Н. Психология отношений. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО “МОДЭК”, 2003.
14. Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Директ-Медиа, 2008.
15. Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.
16. Стефаненко Т.Г. Этническая идентичность: от этнологии к социальной психологии // Вестник Московского университета. 2009. № 2. С. 3–18.
17. Сухарев А.В. Опыт преодоления методологического кризиса: принцип исторической актуальности и этнофункциональная парадигма в психологии // Мир психологии. 2009. № 3. С. 123–132.
18. Сухарев А.В. Этнофункциональный аспект исследования ментальности // Психол. журн. 2009. Т. 30. № 3. С. 118–127.
19. Тарасова Л.Е. Представления о счастье в фольклорном и обыденном сознании // Проблемы социальной психологии личности. Вып. 9. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 2011. С. 60–68.
20. Фромм Э. Человек для себя. Минск: Коллегиум, 1992.
21. Хащенко В.А. Психология экономического благополучия. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012.
22. Хотинец В.Ю. О содержании и соотношении понятий “этническая самоидентификация” и “этническое самосознание” // Социологические исследования. 1999. № 9. С. 67–74.
23. Шамяионов Р.М. Субъективное благополучие личности: Психологическая картина и факторы. Саратов: Научная книга, 2008.
24. Шамяионов Р.М. Взаимосвязь групповых ценностей и субъективного благополучия представителей контактирующих этносов (на примере Поволжья) // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2011. № 4. С. 307–309.
25. Bhullar N., Schutte N.S., Malouff J.M. The nature of well-being: The roles of hedonic and eudemonic processes and Trait Emotional Intelligence // Journ. of psychology. 2013. V. 147. № 1. P. 1–16.
26. Chang R., Chang E.C. Effects of socially prescribed expectations on emotions and cognitions in Asian and European Americans // Cognitive therapy and research. 2009. V. 33. № 3. P. 272–282.
27. Chirkov V.I., Ryan R.M., Willness C. Cultural context and psychological needs in Canada and Brazil: Testing a self-determination approach to internalization of cultural practices, identity and well-being // Journ. of cross-cultural Psychology. 2005. V. 36. № 4. P. 425–443.
28. Copestake J., Camfield L. Measuring multidimensional aspiration gaps: A means to understanding cultural aspects of poverty // Development policy review. 2010. V. 28. № 5. P. 617–633.
29. Diener E. Culture and Well-being: The Collected Works of Ed Diener. Springer, London, N.Y.: Business Media B.V., 2009.
30. Diener E., Oishi S., Lucas R.E. Personality, culture, and subjective well-being: emotional and cognitive. Evaluations of life // Annual review of psychology. 2003. V. 54. № 1. P. 403–425.
31. Diener E., Tay L., Myers D. The religion paradox: if religion makes people happy, why are so many dropping out? // Journ. of personality & social psychology. 2011. V. 101. № 6. P. 1278–1290.
32. Genkova P. Cultural patterns and subjective culture as predictors of well-being: A cross-cultural study // Psychology research. 2012. V. 2. № 3. P. 177–184.
33. Herrero J., Fuente A., Gracia E. Covariates of subjective well-being among Latin American immigrants in Spain: The role of social integration in the community // Journ. of community psychology. 2011. V. 39. № 7. P. 761–775.
34. Huta V., Pelletier L.G., Baxter D., Thompson A. How eudaimonic and hedonic motives relate to the Well-Being of close others // Journ. of positive psychology. 2012. V. 7. № 5. P. 399–404.
35. Inglehart R. Modernization and Postmodernization: Cultural, Economic and Political Change in 43 Societies. Princeton: Princeton University Press. 1997.
36. Kim Y.H., Cai H., Gilliland M. et al. Standing in the glory or shadow of the past self: cultures differ in how much the past self affects current subjective well-being // Emotion. 2012. V. 12. № 5. P. 1111–1117.
37. Koydemir S., Schütz A. Emotional intelligence predicts components of subjective well-being beyond personality: A two-country study using self- and informant reports // Journ. of positive psychology. 2012. V. 7. № 2. P. 107–118.
38. Lischetzke T., Eid M., Diener E. Perceiving one’s own and others’ feelings around the world: The relations of attention to and clarity of feelings with subjective well-being across nations // Journ. of cross-cultural psychology. 2012. V. 43. № 8. P. 1249–1267.
39. Lu L., Gilmour R. Individual-oriented and socially oriented cultural conceptions of subjective well-being: Conceptual analysis and scale development // Asian Journal of Social Psychology. 2006. № 9. P. 36–49.
40. Pethtel O., Chen Y. Cross-Cultural Aging in Cognitive and Affective Components of Subjective Well-Being // Psychology & Aging. 2010. V. 25. № 3. P. 725–729.

41. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // *American psychology*. 2000. № 55. P. 68–78.
42. Ryan R.M., Deci E.L. The darker and brighter sides of human existence: Basic psychological needs as a unifying concept // *Psychological inquiry*. 2000. V. 11. № 4. P. 319–338.
43. Ryff C.D., Keyes C.L. The structure of psychological well-being revisited // *Journ. of personality and social psychology*. 1995. V. 69. № 4. P. 719–727.
44. Schaafsma J. Discrimination and subjective well-being: The moderating roles of identification with the heritage group and the host majority group // *European journal of social psychology*. 2011. V. 41. № 6. P. 786–795.
45. Sheldon K.M. Optimal human being: An integrated multilevel perspective. Mahwah, NJ: Erlbaum, 2004.
46. Sheldon K.M., Hoon T.H. The multiple determination of well-being: independent effects of positive traits, needs, goals, selves, social supports, and cultural context // *Journ. of Happiness Studies*. 2007. № 8. P. 565–592.
47. Sheldon K.M., Cheng C., Hilpert J. Understanding well-being and optimal functioning: Applying the multilevel personality in context (MPIC) model // *Psychological Inquiry*. 2011. № 22(1). P. 1–16.
48. Tam T.K.P., Lau H.P.B., Jiang D. Culture and Subjective well-being: A dynamic constructivist view // *Journ. of cross-cultural psychology*. 2012. V. 43. № 1. P. 23–31.
49. Triandis H.C. Cultural syndromes and subjective well-being // *Culture and subjective well-being* / Eds. E. Diener, E.M. Suh. Cambridge, MA.: The MIT Press, 2000. P. 13–36.
50. Wirtz D., Chiu C., Diener E., Oishi S. What constitutes a good life? Cultural Differences in the role of positive and negative affect in subjective well-being // *Journ. of personality*. 2009. V. 77. № 4. P. 1167–1196.
51. Wong P.T.P. Positive psychology 2.0: Towards a balanced interactive model of the good life // *Canadian psychology*. 2011. V. 52. № 2. P. 69–81.
52. Yoon E., Goh M., Lee R.M. Acculturation, social connectedness, and subjective well-being // *Cultural diversity & ethnic minority psychology*. 2008. V. 14. № 3. P. 246–255.

ETHNO-CULTURAL FACTORS OF PERSON'S SUBJECTIVE WELL-BEING

R. M. Shamionov

*Sc.D. (psychology), professor, head of social psychology of education and development chair,
Saratov State University named after N.G. Chernyshevsky*

The results of theoretical analysis of studies of ethno-cultural peculiarities of person's subjective well-being are presented. The main problems of determination of subjective well-being (influence of "cultural dimensions", effects of person's ethnical socialization, belonging to the titular group) are revealed. Data about peculiarities of subjective well-being due to person's ethno-psychological status (identity, value orientations, belonging to the culture etc.), type of inter-ethnic relations are presented. The necessity for complex analysis of ethno-, socio- and psychological factors of subjective well-being are stressed. The conclusion about high social, scientific-and-theoretical significance of ethno-psychological researches of subjective well-being in Russia is drawn.

Key words: subjective well-being, satisfaction, happiness, balance of emotions, personality, ethnic group, culture, attitude, socialization, identity, values, subject, ethnic norms, determinants.